

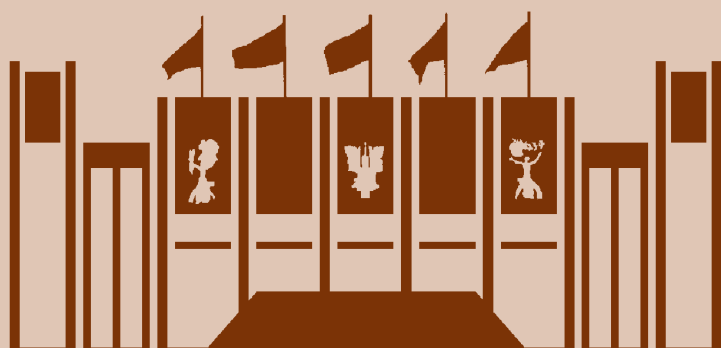
Институт
международных исследований
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

ВЫПУСК 1(31)
февраль 2012

Евгений Воронин

Ливийская операция НАТО: стратегия , «твердая» и «мягкая» сила, ИТОГИ

Центр евроатлантической
безопасности

УДК 327
ББК 66.4

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

*Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России*

Выпуск 1(31)

Февраль 2012

Тема

Ливийская операция НАТО: стратегия , «твердая» и «мягкая» сила, итоги

Главный редактор Александр Орлов

Редактор Валентина Шанкина

Компьютерная верстка Анатолий Казанцев

Рецензенты д. ю. н. В.П. Воробьев
д. п. н. А.И. Никитин

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76,
Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издательство «МГИМО – Университет»
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ № . Тираж 500 экз.
Подписано в печать 07.02.2012

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов ИМИ МГИМО (У).

© Евгений Ростиславович Воронин, 2012
© МГИМО (У) МИД России, 2012

**Институт международных исследований
МГИМО (У) МИД России**

Центр евроатлантической безопасности

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

**выпуск 1(31)
февраль 2012**

Евгений Воронин

Ливийская операция НАТО: стратегия , «твердая» и «мягкая» сила, ИТОГИ

Москва
МГИМО – Университет
2012

Содержание

Предисловие.....	3
Глава 1. Ливийский кризис: первый опыт новой стратегической концепции НАТО.....	4
Глава 2. Ливия как вызов постлиссабонской политики Евросоюза.....	14
Глава 3. Ливийская операция НАТО: некоторые выводы.....	18
Глава 4. Проблема легитимности вооруженного вмешательства в Ливии.....	26

Предисловие

Ливийская военная акция НАТО стала первым актом реализации ее новой стратегической доктрины Альянса, адаптированной к политическим и энергетическим интересам Запада в условиях мирового финансово-экономического кризиса и меняющейся ситуации в средиземноморском регионе. Осуществление и результаты силового решения ливийского кризиса можно рассматривать как этапное событие в развитии военно-политического мировоззрения стран — участниц блока в XXI веке. Опыт применения новой лиссабонской Стратегической концепции НАТО подается Брюсселем как успех в обеспечении интересов «не блоковой, а всеобщей безопасности». Очевидно, что западное военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии стало знаковым испытанием для евроатлантической системы военного сотрудничества, проверкой эффективности европейского компонента НАТО и политики обороны и безопасности Европейского союза. Ливийский конфликт способствовал актуализации обсуждения проблемных вопросов сотрудничества в Альянсе, привнес новые элементы, в том числе проблемные, в характер взаимоотношений между основными западными интеграционными группировками — НАТО и Евросоюзом.

Несмотря на заявленную готовность рассматривать «мягкую силу» потенциала Альянса в качестве доминирующего (в отличие от прошлого) фактора в его политике (при сохранении «твердой силы» как основного гаранта безопасности западного мира), невоенная составляющая операции «Объединенный защитник» оказалась близкой к нулю и практического значения в урегулировании конфликта в Ливии не имела. Военные действия против «режима Каддафи» вновь высветили и проблему военных бюджетов стран-участниц, еще раз продемонстрировав соотношение ролей европейской «коалиции» и «патронажной» политики США. Впервые — с учетом ливийских уроков — встал вопрос о реальной способности НАТО и прежде всего европейских партнеров осуществлять миротворческие миссии «гуманитарной» направленности в различных районах мира. Это особенно актуально на фоне роста политического влияния и военной мощи «нарождающихся держав» в лице стран-партнеров по БРИКСу (Китай, Россия, Индия, Бразилия, ЮАР) планами выстраивания странами НАТО взаимоотношений с этой группой в целях обеспечения международной безопасности и кризисного урегулирования. «Ливийская война» показала, что основными предложениями и мотивами будущего военно-политического вмешательства Европейского союза во внутривнутриполитические дела независимых государств — невзирая на принцип международного права — могут, прежде всего, стать гуманитарные вопросы, в частности «защита прав человека».

Глава I. Ливийский кризис: первый опыт новой стратегической концепции НАТО

Резолюция СБ ООН 1973 от 17 марта 2011г. санкционировала проведение в гуманитарных целях операции по закрытию воздушного пространства Ливии. Мандат военно-воздушной акции, предусмотренный резолюцией, соответствовал активно продвигаемому западными экспертами принципу «обязанности защищать» (“responsibility to protect”) мирное население, зафиксированному в резолюции ГА ООН 60/1, единогласно принятой в сентябре 2005 г. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. в разделе «Обязанность защищать население...» возлагает (в п. 138) такую ответственность на каждое государство. В п. 139 предусмотрено право «принять коллективные действия своевременным и решительным образом, через Совет безопасности, в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с региональными организациями, в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население» от геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности (A/RES/60/1).

Новое понятие «обязанность защищать», («responsibility to protect») хотя уже и реализуется на практике, пока не является юридической нормой¹. Вместе с тем, очевидно, что такой подход в рамках современного международного права не рассматривает государственный суверенитет как нечто абсолютное². Данный принцип исходит из права международного сообщества через соответствующие межгосударственные организации реагировать на такие вызовы, как геноцид, преступления против человечности, тяжкие нарушения прав человека, угроза масштабного голода и т.п. Впервые СБ ООН реализовал принцип «ответственности за безопасность» населения через принятие решения относительно конкретного, четко определенного мандата: военные действия по защите ливийского гражданского населения, подвергнувшегося авиабомбардировкам и обстрелу тяжелой артиллерией. Мандат ООН предусматривал проведение совместных военно-воздушных акций коалицией государств по закрытию ливийского воздушного пространства с целью защиты гражданского населения, но не осуществления военного вмешательства, тем более вторжения на территорию страны.

«Право на защиту» не тождественно праву на военное вмешательство, тем более не предусматривает «обязательства вмешаться» с целью изменения существующего политического режима — например (при всей его одиозности), в Ливии. Мандат СБ ООН не санкционировал «гуманитарную интервенцию» НАТО и не предусматривал действий по замене ливийского политического режима.

Первая фаза «многоступенчатой» операции «Одиссея. Восход», инициированная 19 марта 2011 г. Францией и Великобританией в формате блокады воздушного пространства Ливии в гуманитарных целях, была коалиционной операцией ряда европейских стран и проходила без задействования механизмов НАТО или непосредственного вовлечения вооруженных сил США.

Следуя своей собственной «интерпретации» резолюции СБ ООН 1973 (санкционирующей использование силы для защиты гражданских лиц, оказание гуманитарной

¹ Jeangene Vilmer J.-B. Intervention en Libye: ni droit d'ingence, ni desinteressment // Le Monde. — 2011. — 28 Mars..

² Pancrasio J.-P. Une intervention internationale ou regionale encadree par le droit // Le Monde. — 2011. — 16 Mars.

помощи и «содействие политическому транзиту»), международная Контактная группа государств — членов ООН, Африканского союза, Лиги арабских государств и Евросоюза сформировала в Лондоне на основе консенсуса военную коалицию под эгидой Великобритании и Франции и при «заинтересованном» содействии США.

Обращает на себя внимание специфика нынешней западной военной операции: США воздерживались от непосредственного участия в начале оперативно-тактической части этой акции. Некая искусственная «неопределенность» просматривается в американской позиции и сегодня, если учитывать недавнее заверение вице-президента США Дж. Байдена, заявившего, что НАТО может выполнить свою миссию в Ливии и без США, стратегические интересы которых лежат на других «оперативных театрах», таких как Пакистан или Египет³. Однако новый формат коалиционных действий союзников по НАТО, оставляющий за США «патронирующее», но не обязательно прямое участие в конфликте, реализовывался только на первом этапе антиливийской операции. В отличие от военных действий в Персидском заливе 1991 г. против саддамовского режима при ведущей политической и военной роли США, роли «ведомой» Великобритании и «оппортунистической» позиции Франции, развившейся в последующем в «антиамериканскую» линию вокруг Ирака в 2003 г., ливийская комбинация союзников строилась на «быстром» консенсусе и «равноправии».

Образовалась франко-британская ось, обеспечившая «гибридный формат» военной операции против режима Каддафи: коалиция «добровольцев» из 16 государств (включая членов НАТО и ЕС) и натовское военно-тактическое руководство операцией. Основой этой сформировавшейся «оси» является в франко-британское военное соглашение от ноября 2011 г. о «взаимной ответственности» (сотрудничество в области ядерного оружия, потенциала ВВС). Фактически речь идет о «возрождении» Антанты (*l'Entente cordiale*) и новой попытке реализации совместных акций по типу военной операции во время Суэцкого кризиса 1956 г. Консолидированная позиция двух европейских держав в ливийском кризисе сгладила остроту их известных противоречий и амбиций. Франция, первоначально настаивавшая на проведении ливийской кампании без участия НАТО, отказалась от противодействия Лондону в его усилиях поставить данную операцию под контроль командных структур Альянса. Британцы, изначально препятствовавшие французским попыткам подключить Евросоюз, в частности, к руководству военно-морскими операциями по обеспечению эмбарго оружия в Ливию, также сняли свои возражения. Достигнутый в рамках вновь образовавшейся «Антанты» компромисс предусматривал обеспечение в ходе «второй фазы» операции со стороны НАТО координацию военных акций и усилий по реализации политического «пилотного проекта» построения будущего Ливии.

По договоренности между его членами Евросоюз использует свой «эмбриональный» военный механизм лишь в целях оказания гуманитарной помощи. Кризисное развитие в Северной Африке еще раз обнажило дилеммы «разноголосицы» европейской внешней политики, высветило неудачу попыток ЕС и после принятия Лиссабонского договора выработать общую линию поведения. «Объединительные» усилия К. Эштон расцениваются как неконцептуальные и излишне амбициозные⁴. «Евроскептиками» и против-

³ The Financial Times. — 2011. — 20 April.

⁴ Meller P. Libyen und das Dilemma der europäischen Aussenpolitik // Cicero. — 2011. — März.

никами военного «евроцентризма» эта ситуация была использована для утверждения: Ливия вновь показала «абсурдность мечтаний о европейской армии»⁵.

На передаче оперативного руководства операцией непосредственно в «руки НАТО» настаивала Италия. Германия в ходе франко-британского «умиротворения Каддафи», то есть в период «первой фазы» конфликта, заняла принципиальную позицию неприятия силового решения и неучастия в военной операции. Восточноевропейские союзники по блоку вообще ограничились позицией «умолчания»⁶.

Непредсказуемость возникновения и развития ливийского кризиса во многом связывается с инициативной, «опережающей» ролью и последовательным характером действий французской (президентской) дипломатии, не испытывающей состояния растерянности и тем более неуверенности. Как представляется, мотивы французского активного подхода к ливийскому конфликту явно отражают нынешнюю внешнеполитическую доктрину Парижа. Действия в ливийском конфликте соответствуют внешнеполитической линии руководства страны и призваны содействовать повышению роли Франции в международных делах, признанию ее вклада в деятельность НАТО в области кризисного реагирования. Существенными мотивами французской вовлеченности являются не только традиционные интересы в Северной Африке, но и — особо — в Средиземноморском бассейне. В целом Средиземноморье рассматривается через призму продвигаемой французами идеи создания Средиземноморского союза как будущего партнера «Большой Европы» в рамках реализации политики «стратегического соседства». Вероятно, ливийский фактор воспринимался как препятствие на пути реализации этой и других французских региональных амбиций.

С самого начала ливийской кампании задачи французской дипломатии были направлены на утверждение ведущей роли Парижа в принятии коалицией оперативных решений, а также закрепление «евроатлантического профиля» своих действий, без задействования потенциала США в качестве ведущей силы урегулировании конфликта. Б. Обаме отводилась французами явно «вспомогательная» роль. «Атлантизм» под эгидой США не должен был, по мнению Парижа, доминировать в решении судьбы Ливии.

Настрой французов на военное решение ливийского кризиса, как, впрочем, и других конфликтных ситуаций в геостратегическом измерении, воспринимается партнерами в Европе как традиция времен наполеоновской дипломатии: “on s’engage et puis en voit” — «давайте ввяжемся, а там будет видно». Со времен алжирской войны страна не знала невозвратных дипломатических и военно-политических потерь, если не считать провала в 2005 г. «инициативно» разработанного Парижем Проекта Конституции Европы. Случавшиеся неэффективные внешнеполитические решения по «принципу ушерба», то есть не обусловленных затрат⁷, объяснимы, наверное, и спецификой национального «картезианского» мышления, которое проявляется, например, в традиционной французской архитектуре, «требующей, чтобы окна на фасаде обязательно были парными». Если одно окно отсутствовало, его заменяли фальшивым, которое не открывалось, но создавало иллюзию симметрии⁸. Иллюзиям же, как видно по жизни, подвержены все внешнеполитические концепции и доктрины в современном мировом сообществе.

⁵ Ibid.

⁶ The Economist. — 2011. — 24 March.

⁷ Батай Ж. Проклятая доля. В 3 т. Т. 1 / Пер. с фр. Б. Скуратова и П. Хицкого. — М.: Изд-во Гнезис, изд-во Логос 2003. — С. 189.

⁸ Безопасность Европы. Сб-к статей // Институт Европы РАН. — М., 2011. — С. 216.

«Моторную роль» президента страны в ливийском кризисе поддержали свыше половины французов, несмотря на почти обвальное падение рейтинга самого Н. Саркози. Предпринятая Парижем «в тандеме» с Лондоном инициативная, развитая затем в «многофазовый конфликт» операция против Триполи осуществлялась в рамках военной доктрины, сформулированной в Белой книге по обороне 2007 г. Отношение к «гуманитарной» операции в Ливии во французском обществе неоднозначно. Инициативу президента Н. Саркози поддерживало 63 % французов (55 % — американцев, 50 % — британцев, 40 % — итальянцев и даже 50% — немцев)⁹. Многие представители французского политико-экспертного сообщества отмечали, что применение военной силы «против страны, которая не нападала на Францию» в ответ на нарушения ее руководством гуманитарных прав населения, может рассматриваться как акция «вне международного права», но и как реализация известной формулы «обязанности защищать»¹⁰. Гуманитарная «мантра» (даже Турция заявляла, что ее единственная цель — защита гражданских лиц) плохо скрывала трудности определения статуса вмешательства и роли тех, кто в нем участвовал¹¹.

Немаловажной причиной «ведущей роли» Франции и Великобритании в ливийской операции является их политика сохранения любой ценой «статуса глобальных держав», которые де способны вмешиваться в кризисные ситуации в самых разных точках. Ливия явилась первым испытанием эффективности франко-британского «союза», его способности контролировать новые стратегические зоны, в том числе и энергетические. На первом месте во внутреннем досье НАТО стоит приоритетная «ось Саркози — Камерон», способная оказывать «воздействие» на позиции Б. Обамы¹². Несмотря на «медовый месяц» с Парижем, в Лондоне, однако, отмечают, что французский президент «слишком часто тянет одеяло на себя...»¹³.

В ходе совместной операции европейскому «тандему» в целом удалось преодолеть несовпадения в практических вопросах, прежде всего касающихся попыток Франции обойти НАТО под предлогом «неэффективности» Альянса, или опасений Лондона, опирающегося на дипломатическую поддержку Вашингтона, относительно затягивающегося ливийского кризиса — вследствие отсутствия оперативно-штабного участия натовских структур. В «коалиции» полагали, что успешность военных акций франко-британского «тандема» и после передачи НАТО функций командования не снизилась. В натовских штабных структурах настаивают, что Альянс придерживался более «рестриктивной интерпретации» резолюции ООН, нежели Париж и Лондон, действовав слишком «самонадеянно» в выборе наземных целей. После передачи ответственности за бомбардировки в ведение НАТО обе державы стали добиваться интенсификации проведения операции.

Ливийская гражданская война явилась серьезным испытанием для франко-германского сотрудничества, которое дало «сбой» в ходе принятия резолюции 1973 СБ ООН, вылилось в резкое размежевание подходов к последующей военной операции. Перспектива франко-германского «локомотива» европейской экономической и военно-политической интеграции была впервые серьезно поставлена под сомнение.

⁹ Le Monde. — 2011. — 12 Avril.

¹⁰ Rufin J. Apres l'intervention en Libye, ou s'arrete la guerre "humanitaire" // Le Monde. — 23 Mars.

¹¹ Colonomos A. Le pari de la guerre hegeliennne // Le Monde. — 2011. — 21 Avril.

¹² Lasserre J. Libye: l'axe franco-britannique a l'epreuve // Le Figaro. — 2011. — 4 Avril.

¹³ Ibid

Ливийский «узел» оказался в числе «особых» немецких позиций, наряду с планами ЕС по спасению Греции, Исландии и Португалии и будущим зонам евро. Министр иностранных дел Германии заявил «о невозможности урегулирования ситуации в Ливии военными средствами». Немецкая позиция основывалась на тезисе о возможности лишь политического решения. Как отмечалось на страницах «Шпигеля», необходимо лишь запустить политический процесс урегулирования. Неприятие силового решения и отказ поддержать союзников по НАТО и ЕС в проведении воздушных операций против режима Каддафи раскололи германское общество. Парламентское большинство в Бундестаге, сочувствующее «операции», вынуждено было ограничиться предложением о направлении немецкого контингента в Ливию в целях обеспечения охраны гуманитарной миссии Евросоюза. Противники вовлечения Берлина в западный формат урегулирования утверждают, что в «складывающейся обстановке даже гуманитарная акция может повлечь за собой втягивание в военное противостояние»¹⁴.

С переходом управления военной операцией в Ливии к штабным структурам НАТО ситуация вокруг проблемы немецкого участия оказалась более определенной. Принято «принципиальное решение» о немецком участии в гуманитарных миссиях ЕС в случае соответствующего обращения ООН¹⁵. В штаб-квартире в Брюсселе этот шаг расценили как отход от прежней линии, когда при голосовании в СБ ООН Берлин не просто не поддержал европейских партнеров — Францию и Великобританию, но предпочитал «встать на сторону России и Китая». Германия продолжала придерживаться собственной позиции в отношении натовской вооруженной «акции» против Триполи и гуманитарной миссии Евросоюза «Еврофор — Ливия», которая не исключала использования воинских контингентов евросоюзных стран, включая Германию.

С решением НАТО 27 марта 2011 г. полностью взять на себя операцию по резолюции СБ ООН 1973 «по защите» началась «вторая фаза» ливийской кампании под названием — «Unified protector» (Единый защитник). НАТО «имплементировала» военные аспекты резолюции 1973 и в ее рамках заявляла о «приверженности выполнению своих обязательств перед ООН»¹⁶. Натовская операция была рассчитана на три месяца. В официальном уведомлении о ее начале содержалось обязательство предпринять «все необходимые меры для защиты ливийских гражданских лиц». Кроме того, сообщалось, что «суда НАТО не будут заходить в ливийские территориальные воды» и «НАТО не намерена разворачивать наземные силы на ливийской территории». Это, судя по всему, должно было соответствовать статье 25 Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, воспрещающей атаковать или бомбить каким бы то ни было способом незащищенные города, селения и т.п.

В числе обоснований решения НАТО взять на себя объединенное руководство операцией «Unified protector» присутствовала критическая оценка Вашингтоном итогов действий франко-британской коалиции, которые завели ливийскую ситуацию в тупик¹⁷. В свою очередь европейские партнеры считали, что американцы пропустили «эстафету» из-за возростающей непопулярности возможного вмешательства США в Ливии¹⁸. Готовность Парижа на передачу операции под командование Альянса было обусловлено

¹⁴ Der Spiegel.— 2011. — 9 April.

¹⁵ The Economist. — 2011. — 8 April.

¹⁶ Сайт НАТО, 04.04.2011.

¹⁷ The Economist. — 2011. — 8 April.

¹⁸ Le Monde. — 2011. — 28 Mars.

согласием НАТО на «политическое обоснование» натовских военно-воздушных бомбардировок под эгидой франко-британской коалиции. Аргументом в пользу подобного «размена» явилось озвученное французской дипломатией опасение утратить «хрупкую поддержку» Лиги арабских государств, для которых НАТО олицетворяет прежде всего американские интересы¹⁹.

Противоречия между «французским» руководством коалиционными действиями и тактикой НАТО в ливийской операции сохранялась на определенном этапе. Министр иностранных дел Франции А. Жюппе заявил в этой связи, что военный механизм НАТО «недостаточно» эффективен²⁰. По его оценке, Альянс не стремился «взять на себя военное руководство операциями, о чем мы договаривались». Его руководство «должно было выполнить свою задачу на сегодня, а именно воспрепятствовать использованию Каддафи тяжелого вооружения против населения», в частности и вокруг г. Мисрата». За усиление вовлеченности НАТО высказался и британский министр иностранных дел У. Хейг. Франко-британская «Антанта» продолжала настаивать на сценарии, согласно которому с 31 марта 2011 г. НАТО осуществляла бы командование всеми оперативными действиями, проводимыми в Ливии, «наследуя», таким образом, начатую 19 марта 2011 г. многосторонней коалицией военную операцию и оставляя за последней лишь «политическое пилотирование». Военное руководство в лице командующего совместными операциями генерала М. ван Ума «не приняло» французскую критику, настаивая на эффективности своих действия «по полному уничтожению» военного потенциала режима Каддафи, используемого против народа²¹.

В целом руководству Альянса удалось консолидировать позиции союзников. При этом уровень вклада каждого участника определялся национальным, а не блоковым решением. Франция, Великобритания, Бельгия, Канада, Дания, Италия и Норвегия продолжали осуществлять воздушные бомбардировки (60 % технического обеспечения боевых вылетов — за счет американской стороны)²². Швеция как «партнер НАТО» и Нидерланды совместно с Катаром и ОАЭ обеспечивали противовоздушную защиту (без участия в нанесении ударов с воздуха).

Греция и Турция, отстаивавшие собственный «посреднический проект», были задействованы в направлении к ливийским берегам кораблей военной и гражданской поддержки. Неучастие германского союзника компенсировалось его принципиальным решением участвовать в гуманитарной миссии по линии Евросоюза. Это было расценено как окончательный поворот от прежней немецкой линии «да — нет»²³ в отношении мандата НАТО на военное вмешательство в дела Ливии. Теперь Берлин готов сформировать собственный «африканский корпус» в рамках гуманитарной миссии Евросоюза²⁴. Из восточноевропейских союзников свою позицию обозначила Польша, высказавшись в пользу гуманитарного содействия. Премьер-министр Д.Туск, однако, дал понять, что «военной вовлеченности Польши достаточно и в Афганистане», и что в стране «не было уверенности» в обоснованности проведения военной операции в Ливии²⁵.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Le Monde. — 2011. — 12 Avril.

²¹ Le Figaro. — 2011. — 12 Avril.

²² Ibid.

²³ Ischinger W. Es gibt keine gerechten Kriege — aber notwendige / Cicero. — 2011. — 5 Mai.

²⁴ The Economist. — 2011. — 8 April.

²⁵ Le Monde. — 2011. — 8 Avril.

Практическое значение в ходе «ограниченной воздушными операциями» войны приобрела проблема «сухопутного тупика», ставившего под сомнение смысл и результаты вовлечения Альянса в гражданскую «смуту» в Ливии. Сложившаяся ситуация требовала реализации имевшимися средствами ясно поставленной стратегической цели, поскольку, согласно циничной формуле французского политолога А. Глюксмана, приведенной в статье бывшего статс-секретаря германского МИД В. Ишингера, «войны бывают не справедливыми, а необходимыми».

Развитие гражданского конфликта сопровождалось не только наращиванием военной (6 200 авиавылетов, из них 2 420 — боевых) и политической активности НАТО, но и перманентным изменением целей и задач операции вопреки резолюции СБ ООН 1973. Фактической задачей действий союзников стало силовое изменение политического режима и устранение М. Каддафи как лидера государства. В совместном обращении Б. Обамы, Н. Саркози и Д. Камерона со ссылкой на «мандат ООН» утверждалось, что в действиях коалиции речь не идет о насильственном отстранении Каддафи от власти, но, вместе с тем, откровенно было заявлено о «невозможности представить будущее Ливии с Каддафи»²⁶. Реальный «транзит», как отмечалось западными политиками, от диктаторского режима к открытому конституционному процессу возможен лишь с новым поколением руководства. «Каддафи должен уйти, определенно». Неправовой характер требования во внимание не принимался, прямо-таки по «Римским письмам» Луция Сенеки: «никакое зло не велико, если оно последнее»²⁷.

Сложившаяся ситуация, несмотря на наращивание военно-воздушного прикрытия оппозиционных сил, не позволила союзникам предвидеть реальные сроки завершения операции и перспективы реализации «политического транзита». Предпринимались малоуспешные попытки «максималистской интерпретации» мандата ООН. Бывший посол США в НАТО К. Волкер выдвинул «идею выхода», согласно которому, чем скорее Запад займет ясную позицию в понимании того, что «гуманитарные цели ООН могут быть достигнуты лишь отстранением Каддафи от власти, тем быстрее кризис может завершиться»²⁸.

В руководстве НАТО в целом сдержанно реагировали на обвинения и упреки в превышении мандата ООН и нарушении, таким образом, «духа и буквы» резолюции 1973. Генсек А. Фог Расмуссен в ответ на критику, в том числе с российской стороны, настаивал на соответствии действий в Ливии мандату согласно резолюции²⁹.

Оценки ситуации как «тупиковой» вынудили коалицию и Вашингтон на дальнейшее дипломатическое «маневрирование» вокруг мандата СБ ООН и изменение «сценария» военного решения. Французами был запущен пробный шар о расширении ооновского мандата и, соответственно, принятия новой резолюции СБ ООН. Министр обороны Франции Ж. Лонге посчитал совместное заявление ведущей антиливийской «тройки» Саркози, Обамы и Кэмерона с требованием об уходе Каддафи как «фактический выход» за рамки резолюции СБ 1973. В экспертном сообществе стран — участниц «коалиции» пришли к заключению, что неопределенный характер мандата отражал «полную сумятицу и неразбериху в области международного права и отсутствие консенсуса в отношении

²⁶ Le Figaro. — 2011. — 15 Avril; The Times. — 2011. — 15 April.

²⁷ Сенека Луций Аней. Нравственные письма к Луциллию. Письмо 5-е. — М.: Худож. лит. 1986.

²⁸ The Economist. — 2011. — 25 April.

²⁹ www.nato.int, 15.04.2011

целей и задач гуманитарной интервенции»³⁰. Французские аналитики утверждали, что гражданская внутриливийская война трансформировалась в «международную войну»³¹. Очевидно, что коалиционерам нужна была новая резолюция, которая позволила бы расширить масштаб военных действий за счет переноса их непосредственно на ливийскую территорию и задействования, таким образом, фактора наземной операции. Помощник, заместитель Генерального секретаря НАТО Дж. Апатурай выразил мнение в ходе видеомоста со студентами МГЛУ, что «СБ ООН необходимо принять новую резолюцию, поскольку резолюция 1973 не подразумевает проведение наземных операций»³². Таким образом, в целях проведения каких-либо наземных действий необходимо было принятие новой резолюции по Ливии³³.

В западных военно-экспертных центрах исходили из того, что сокрушение режима Каддафи, лишение его всех властных полномочий и предание Международному суду было основной задачей «третьей фазы» коалиционной войны в Ливии. Эта задача не была выполнимой без радикального наращивания военного и дипломатического давления и «диверсификации театра боевых действий за счет сухопутного фактора». Ни установление «запретной» воздушной зоны, ни тем более экономические санкции, как утверждалось, «не достаточны для смещения диктаторов»³⁴.

Оказалась не в состоянии содействовать этой «кооперативной задаче» и «доктрина» Б. Обамы, опирающаяся на «арабский консенсус», сыгравший свою роль в ходе «первой фазы» антиливийской операции (Лига арабских стран и Африканский союз приняли лишь идею установления бесполетной зоны). Учитывался и неэффективный опыт запретных воздушных зон в ходе натовской операции против Югославии и в «процессе миротворчества» в Боснии. Германский дипломат, экс-председатель Мюнхенской конференции по безопасности, а ныне сопредседатель Евроатлантической инициативы безопасности В. Ишингер заявил, что военные действия по защите гражданского населения с воздуха и ограниченные авиаудары по «всем правилам» длились дольше запланированного времени и вызывали больше всего жертв среди населения. «Все, кто несли ответственность за вмешательство в Косово, знают это»³⁵. В Триполи рассчитывали, что резолюция СБ ООН 1973 «определенно» исключает наземную операцию в Ливии, что и это позволило «несерьезно воспринимать угрозы вторжения» со стороны НАТО. Союзники не должны, однако, как «предупреждал» Ишингер, поддаваться соблазну добиться смены режима внешним принуждением. По его словам, оставался «принцип надежды», и проблема должна была разрешиться сама собой³⁶. Тень «балканских войн» так или иначе довлела над политическим руководством и общественным сознанием в странах НАТО и ЕС. Были опасения, что ливийские точки «наибольшего противостояния» такие, как г. Мисрата, могли оказаться или «вторым» Сараево, или даже «новой» Сребреницей. Особую настороженность эта ситуация вызывала в германском обществе:

³⁰ Скидельски Р. Парадоксы гуманитарной войны // Россия в глобальной политике. — 2011. — № 2.

³¹ Tatu M. Guerre internationale en Libye // Le Monde. — 2011. — № 2. — 24 Mars.

³² www.vesti.ru 03.05.2011

³³ Там же.

³⁴ Le Monde. — 2011. — 24 Mars.

³⁵ Cicero. — 2011. — Mai.

³⁶ Ibid.

в 1990-е гг. эти «поворотные пункты» балканских событий уже приводили к тому, что «Германии пришлось взяться» за оружие³⁷.

Другой озабоченностью стала неясность сроков завершения операции. Затянутость сроков более всего не удовлетворяла Францию. Обеспечивая треть всех военно-оперативных дорогостоящих акций, Париж не был заинтересован в том, чтобы вся операция увязла в долговременной динамике ливийского конфликта. По заявлению шефа штаба французских ВВС Ж.-П. Паломеро, авиационный компонент операции не был достаточен для урегулирования подобных «сложных» кризисных ситуаций. Если бы конфликт затянулся, то просьба о подключении к операции американского потенциала стала бы «фатально неизбежной»³⁸. Сроки завершения операции связывались французами и с бюджетной проблемой (40 дней «боев» стоили 50 млн евро).

На фоне общей неясности вокруг возможных сроков окончания операции «Единый защитник» и подключения «наземного потенциала» выдвигалась идея направления на ливийскую территорию спецподразделений для наблюдения. Миссия таких «коммандос» по неофициальному замыслу заключалась бы не в проведении сухопутных операций, а в идентификации и в координации наземных целей операции, проводимой с воздуха, что позволяло бы избегать ошибочных ударов, чреватых поражением гражданских лиц и объектов³⁹. Коалиционная операция НАТО с участием стран Евросоюза и пассивной поддержкой ЛАГ и Африканского союза стала первым опытом применения новой стратегической концепции Североатлантического союза.

В Ливии была применена модель кризисного урегулирования и задействован набор политических и военных средств, которые предусмотрены этой концепцией. Ливийский опыт действий НАТО соответствует заложенному в концепции принципу обеспечения собственной безопасности через кризисное урегулирование, в данном случае в Северной Африке. Дело, по «признанию профессионалов», не только в «арабской весне», но и в интересах Европы⁴⁰. Ливийский кризис оказался близким к реализации и другой концептуальной установки: «большее политическое вовлечение партнеров во всем мире в работу с альянсом и их субстантивированная роль в определении конфигурации проводимых НАТО операций...». Впервые к участию в ближневосточной операции Запада удалось привлечь арабские государства. Ливийская «гуманитарная интервенция» формально проводилась в рамках резолюции СБ ООН, но в натовской ее интерпретации как это было и в Боснии-Герцеговине в 90-х гг. прошлого века. Опасение стран коалиции оказаться в ситуации «балканизации» ливийского кризиса удерживало их от радикальных военных решений, прежде всего от перехода к наземной операции. Вместе с тем, практика «интерпретаций» международно-правовых решений будет, видимо, применяться НАТО и в последующих ситуациях кризисного урегулирования.

Основной вопрос, однако, которым сейчас все больше задаются в экспертных сообществах и аналитико-прогностических структурах, связан с новой концепцией — «обязанность защищать». Резолюция СБ ООН 1973 рассматривается как успех реализации этой концепции. Ответственность за защиту мирного населения, сформулированная в рамках ООН в 2005 г. в виде соответствующей резолюции, предполагает необходимость поиска «гуманитарного баланса» между уважением государственного суверенитета и

³⁷ Bonse E. Lybyen Krise: Misrata ist ein Weckenruf für Europa // Cicero. — 2011. — 30 April.

³⁸ Le Figaro. — 2011. — 13 Avril.

³⁹ Le Figaro. — 2011. — 18 Avril.

⁴⁰ Ischinger W. Es gibt keine gerechten kriege — aber notwendige // Cicero. — 2011. — Mai.

действиями по защите населения. Принцип «ответственности за защиту» применим в чрезвычайных ситуациях в целях предотвращения военных преступлений, преступлений против человечности. Переход «от обязанности защищать» к классическому вмешательству ведет к делегитимации самого принципа защиты. В Ливии ситуация развивалась именно в рамках такой парадигмы.

Тем не менее, несмотря на ливийский «опыт», Запад стремится превратить «обязанность защищать» население в один из важнейших формирующихся принципов современного гуманитарного права, от международно-правовой и политической реализации которого во многом будут зависеть процессы реального, справедливого кризисного урегулирования.

Глава 2. Ливия как вызов постлиссабонской политики Евросоюза

Позиция Евросоюза в ливийском конфликте выстраивалась в соответствии с определениями Лиссабонского договора в области внешней политики и безопасности. Президент Европейского совета Х. ван Ромпей уточнил два основных вызова, которые определяют новую постлиссабонскую политику Евросоюза в нынешний «период испытаний»: во внутренних делах — упрочение благосостояния европейцев и умножение их процветания; обеспечение стабильности — во внешних⁴¹, прежде всего в ближнем зарубежье, странах-соседах.

Выдвинута программа действий с целью подтвердить глобальный статус Союза и доверие мирового сообщества к внешнеполитической вовлеченности объединенной Европы в современные процессы обеспечения международной безопасности и стабильности по всем азимутам — восточному, северному и южному⁴². В рамках этой политики реализуется и французская операция в Северо-Западной Африке Harmattan (Гарматан — западно-сахарский сухой ветер). Как и морально «ангажированная» политика Евросоюза в отношении тоталитарных систем Восточной Европы, нынешнее развитие демократических процессов в южном Средиземноморье идет в русле европейских интересов. Объединенная Европа, по признанию Х. де Ромпея, не предвидела «арабской весны». Страны — члены ЕС с Францией на «передовой линии» рассматривали «ведение дипломатической и военной борьбы» с целью прекращения «кровавой бани» в Ливии как наиболее актуальную задачу своей внешней политики.

«Самокритично» расценивается и «ошибочность» линии Евросоюза, сделавшего ставку в политике «привилегированного партнерства» на «безусловное поддержание» стабильности в средиземноморском регионе, невзирая на недемократический, с «риском диктатуры» характер существовавших режимов (Египет, Тунис, Ливия). Такой подход, по признанию европейцев, привел к «автоматическому» забвению основополагающего принципа внешней политики Запада — обеспечение прав человека по всему миру⁴³.

Ливийский кризис явился первым испытанием потенциала постлиссабонской политики безопасности и общей обороны. Доминирующее присутствие в Средиземноморье стало неотъемлемой «частью жизненных интересов Евросоюза»⁴⁴. Среди преимуществ Евросоюза перед НАТО как «вооруженной руки Запада» в решении ливийской проблемы особо выделялся аргумент, крайне «чувствительный» для арабского мира: «НАТО — это США», которые являются наиболее тесным союзником Израиля⁴⁵, поэтому европейская операция с участием арабских и африканских стран — предпочтительна. «Ливийское» начало для европейцев было обещающим. В отличие от развития ситуации в Египте в ливийском случае Евросоюз оказался «вовремя на месте». В ходе мартовского саммита 2011 г. в Брюсселе ЕС потребовал — по примеру НАТО — не только «ухода Каддафи», но и «пригрозил» «вооруженным воздействием» — впервые за время существования общей европейской внешней политики, которая всегда оперировала только «мягкой силой».

⁴¹ Le Monde. — 2011. — 9 Mai.

⁴² Ibid.

⁴³ Le Monde. — 2011. — 21 Mai.

⁴⁴ Frachon A. L'Europe de la defence, morte et enterree en Libya // Le Monde. — 31 Mars.

⁴⁵ Ibid.

«Ливийское досье» предоставило идеальную возможность Евросоюзу проявить устоявшуюся идентичность своей общей внешней и оборонной политики.

Способность Евросоюза взять на себя ответственность за реализацию целей, определяемых резолюцией СБ ООН 1973 в пределах гуманитарной защиты ливийского населения, сыграть самостоятельную роль в урегулировании кризиса собственными политическими, с возможностью задействования как военного компонента, так и дипломатических средств в целях достижения гражданского мира без «патронажа» НАТО и США, оказалась основной проблемой для европейцев.

Бывший премьер и министр иностранных дел Франции Д. де Вильпен определяет ее как «признание потери независимости», которая подверглась возврату под интегрированное командование НАТО. Такая ситуация, в конечном счете, означает и бессилие Европы⁴⁶. Речь идет не о беспомощности в техническом плане или в планировании и проведении операций, но о бессилии политическом и в принятии общих решений⁴⁷. На фоне «бездействия» Евросоюза 10 из 27 стран-членов согласились принять участие в операциях НАТО, половина «добровольцев» направила боевые авиасредства в Ливию. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в новой Стратегической концепции НАТО (п. 32) ставится «совместная» задача для НАТО и Евросоюза «играть дополняющую и взаимоукрепляющую роль в поддержании международного мира и безопасности», специально оговаривается «укрепление практического сотрудничества в операциях на всем протяжении кризисного урегулирования».

«Слабость» и отсутствие единой практической линии «евросоюзников» в ливийских событиях подтвердили, по немецким оценкам, тот факт, что запущенная «пропагандой» гуманитарная миссия Евросоюза с существенным «военным сопровождением» — Юрофор-Ливия (EUROFOR-Libya) «остается на бумаге». К тому же проект может быть реализован только по соответствующей просьбе ООН⁴⁸. Результат позиционирования Европы в ливийском урегулировании в целом расценивается многими аналитиками как «провальный». Европа не справилась с «испытанием», ее присутствие в «ливийской истории» не чувствовалось. Критически рассматривались и попытки «евросоюзников» наладить действенные, «перспективные» контакты с ливийской оппозицией, несмотря на недавнее демонстративное открытие дипломатического представительства Евросоюза в Бенгази в тот период, когда исход ливийской драмы еще не был окончательно предрешен. Запущенная «теорема Саркози» о «несуществующей» обороне Европы без франко-британского тандема квалифицируется экспертами как противоречащая принципам Единой внешней политики, предусмотренной положениями и соответствующими процедурами Лиссабонского договора. Реализация лиссабонского документа сталкивается с обстоятельствами, вызванными глобальным экономическим кризисом (проблемы евровалюты, бюджетной политики, госдолга). Это дало основание экс-канцлеру Германии Г. Шмидту утверждать, что Европа получила «не кризис евро, а кризис Европейского союза». ЕС поражен кризисом «потенциала управления», нет ни единой экономической и финансовой политики, ни общей внешней и в сфере безопасности политики: Ливия —

⁴⁶ De Villepin D. Hors du cadre de l'OTAN, l'élection de la France en Libye serait mieux // Le Monde. — 2011. — 26 Mars.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Bonse E. Libyen-Krise: Misrata ist ein Weckruf für Europa / Cicero. — 2011. — April.

тому подтверждение»⁴⁹. Глава внешнеполитического сегмента ЕС К. Эштон — политик слабый, геополитический облик Евросоюза размыт⁵⁰.

Не оправдались и ожидания позитивного европейского вклада Германии, как основного «спонсора» гуманитарной акции Евросоюза, сопутствовавшего натовской операции в ливийском воздушном пространстве. Решение европейцев «дискретно» образовать военно-штабную структуру в Риме с целью проведения «возможной» гуманитарной миссии в Ливии явилось превентивным шагом. Практического развития эта мера не получила, хотя планировавшуюся еврооперацию под командой итальянского генерала окрестили ЮРОФОР—Ливия. Германия оказалась в сложном положении, когда ставился вопрос о применении силового компонента. Это связано, видимо, с «немецким прошлым», с собственным опытом коллективной ответственности немцев за массовый геноцид во Второй мировой войне.

Решение Совета Безопасности ООН по Ливии, выраженное в резолюции 1973, квалифицируется рядом экспертов как «прорыв» в универсальном применении принципа «обязанности защищать» население в случае массовых нарушений прав человека. Во внешнеполитических структурах и среди общественности стран Европы сильны настроения в пользу того, что национальный суверенитет не является больше «абсолютным принципом защиты» от вмешательства извне. Как показывает немецкий «анализ момента», ливийские события подтолкнули к новому пониманию национального суверенитета — как обязательства в отношении собственных граждан и содействовали, таким образом, развитию международно-правового порядка⁵¹. Это еще одно подтверждение того, что международные отношения и сценарий урегулирования конфликтов, кодифицированные Вестфальской системой 1648 г. и основывающиеся на абсолютной неприкосновенности национального суверенитета, становятся «достоянием прошлого». Историческая «немецкая вина» подталкивала официальный Берлин более активно действовать в рамках коллективных акций по предотвращению преступлений против человечности, совершаемых правящим режимом в Ливии⁵². Правительство А. Меркель приняло решение «в принципе» участвовать в «гуманитарной миссии» Европейского союза при условии соответствующего обращения ООН.

По общей оценке западных аналитиков, произошло изменение позиции Германии от неприятия силового воздействия, заявленного в ходе голосования в СБ ООН, — к поддержке позиции Запада «строго в рамках Евросоюза» в пользу совмещения политического, гуманитарного и военно-силового давления на режим Каддафи. Попытки партнеров по НАТО и ЕС добиться от Берлина безоговорочной поддержки линии на «предпочтительность» военно-силового подхода к ливийскому урегулированию, однако, оказались безрезультатными. Ретроспективные пожелания франко-британского тандема насчет воссоздания немецкого «африканского корпуса», но с гуманитарными целями, правительством А. Меркель не были восприняты. Немецкая сторона придерживалась линии неучастия в операциях боевого характера, но не выступала однозначно против привлечения Бундесвера в состав «военного сопровождения» гуманитарной миссии Евросоюза.

Ливия явилась проверкой ресурса пост-лиссабонской внешней политики и объединенной дипломатии ЕС. Неудача попыток добиться решения ливийской проблемы

⁴⁹ Die Zeit. — 2011. — 7 Mai.

⁵⁰ Bickerich S. Union der Ohnmacht // Die Zeit. — 2011. — 31 Januar.

⁵¹ Ibid.

⁵² Cicero. — 2011. — Mai.

на «политических условиях» подтвердила ограниченность ресурсной базы внешнеполитического механизма Европейского союза (ЕПБО) как самостоятельного международного инструмента, способного решающим образом влиять на предотвращение и урегулирование кризисных процессов. Несмотря на создание достаточно мощного дипломатического аппарата (5 тыс. человек) во главе с высоким представителем ЕС, К. Эштон Европа так и не обрела достойной внешней политики из-за сохраняющейся излишней приверженности стран-членов собственным интересам⁵³. Разрыв между амбициозными замыслами, заложенными Лиссабонским договором, и реальностью оказался слишком велик⁵⁴.

Как представляется, «отстающая» европейская «рефлексия» (и дело, видимо, не в том, что все «проспали», как утверждает Г. Шмидт) по поводу внешних кризисных явлений адекватна внешнеполитическому курсу Евросоюза, а главное — согласию на роль «младшего» партнера в отношениях с НАТО. В сложившейся «иерархии» межсоюзнического партнерства в области кризисного урегулирования существенную роль сыграли изменения во французской внешней политике последних лет, прежде всего сближение с США и реинтеграция Парижа в военную структуру НАТО. Отказ от «голлистско-миттерановских принципов» обеспечения самостоятельной роли «во главе Европы» в международных делах и, в то же время, неприятие американского доминирования явились основой трансформации внешнеполитической ориентации Франции. Сохраняя свою активную роль в мире, но более прагматически оценивая выгоды взаимодействия с США, Франция вынуждена приспособлять свои традиционные геостратегические и региональные интересы, в том числе в Евросоюзе и на всем евро-атлантическом пространстве, к существующим вызовам и новым реалиям. Признание «евросоюзниками» «опережающей» и решающей роли НАТО в процессах кризисного урегулирования явилось отражением политики неореализма, характерным для современной мировой картины. Соображения «неореализма» определяют и отказ, по сути, от конкурирующих внешних задач участников Лиссабонского договора и Североатлантического договора в пользу последнего. «Неореализм», как говорят, это «наука господства»⁵⁵.

⁵³ Mevel J.- J. Le conflit libyen perturbe la diplomatie europeenne // Le Figaro. — 2011. — 23 Mars.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. — М.: Изд-во «Издательский дом ГУ ВШЭ», 2011. — С. 389.

Глава 3. Ливийская операция НАТО: некоторые выводы

Реализация новой лиссабонской Стратегической концепции НАТО при реализации «ливийского варианта» не привнесла заметных, тем более принципиальных изменений в традиционную натовскую доктрину обеспечения военно-политических интересов западного сообщества. Характер, стиль, манера проведения в Ливии военно-силовых акций франко-британского «тандема» при поддержке США и опоре на военно-штабные структуры Североатлантического альянса, хотя и были адаптированы к новым условиям политической обстановки в регионе и мире, в целом оказались традиционно неизменными. Новые «нестандартные» подходы и решения западной коалиции в ходе кризиса принципиального значения не имели.

Некоторые выводы по завершению операции сводятся к следующему. Современное состояние и военно-политические перспективы Североатлантического союза отсчитываются ныне от начала мирового финансово-экономического кризиса. Общие выводы по итогам военно-воздушной и военно-морской операций западных союзников анализируются в контексте влияния кризиса и его последствий на весь ход событий ливийской войны, на внутреннее единство и оборонный потенциал европейских стран — участниц Альянса. Учитывая сложившуюся ситуацию, ставится задача не допустить такого развития, при котором «финансово-экономический кризис» выливался бы в кризис в области поддержания безопасности государств Североатлантического альянса.

Резкое «кризисное» сокращение оборонных расходов европейских членов НАТО, «закономерно» поставившее под вопрос реальную способность «западной коалиции» успешно довести операцию до конца, сделало проблему национальных военных бюджетов главным вопросом повестки для предстоящего в мае 2012 г. Саммита НАТО в Чикаго, призванного адаптировать лиссабонскую Стратегическую концепцию к меняющимся геополитическим обстоятельствам. Признаки того, что военно-силовое вторжение в Ливии в ходе первого его этапа «захлебывается» из-за недостаточности ударного потенциала, породили серьезные опасения не только за успех коалиционных действий, но и за эффективность существующего уровня боеготовности Альянса в целом. Задача нового распределения «общего военного бремени» поставлена американцами в практическую плоскость и поддержана руководителем НАТО А. Фог Расмуссеном⁵⁶. Ливийская вооруженная «миссия» оказалась тем поводом, который сделал затянувшееся решение о выравнивании военных расходов в сторону, прежде всего, повышения доли европейских участников — маргиналов «второго круга», главной темой назревшей внутренней реконструкции Союза. Это по-новому ставит проблему вклада в общую оборону для тех европейских партнеров, которые фактически уклонились от какого-либо реального участия в ливийском конфликте, прежде всего для Польши, Венгрии, прочих восточноевропейцев и прибалтийских «лимитрофов», зачастую претендующих на выход из «маргинального поля» и ангажирующихся на более влиятельные роли в общей обороне Запада, близкие по значимости к позициям «опорных», «старых» западноевропейских партнеров.

Ливийская операция подтвердила слабость «мягкой силы», дипломатического аппарата НАТО. «Мягкая сила» оказалась неэффективной, неспособной обеспечить невоенное решение конфликта на западных условиях. По предварительным итогам натовской миссии, Генеральный секретарь А. Фог Расмуссен признал «проявившуюся недостаточ-

⁵⁶ Le Figaro. — 2011. — 22 Juin.

ность опоры только на "мягкую силу" и, как считают немецкие аналитики, фактически согласился с ее «нулевым потенциалом». Утверждая, что «никто не призывает сегодня к возврату к дипломатии канонеров XIX века», в руководящих структурах Альянса, вместе с тем, убеждены, что «в непредсказуемом окружении» мир может обеспечить «жесткая сила»⁵⁷. Ход событий в Ливии, по натовской оценке, хотя и подтвердил невозможность решения конфликта только на основе «военного подхода», такой подход остается неизбежным средством в контексте «широкого политического задействования».

Один из полученных выводов: «Европе требуется выстраивать последовательное сочетание «жесткой и мягкой силы» таким образом, чтобы обеспечить способность реагировать на весь спектр кризисов и угроз»⁵⁸. Новоявленная установка госсекретаря США Х. Клинтон на то, что «будущее — за мягкой силой», в ливийском случае заметного успеха не имела. Очевидно, что культ «мягкой силы» в новом концептуальном подходе НАТО себя не оправдал. Переговорная составляющая в поиске мирного урегулирования оказалась близкой к нулю.

Прагматическая линия «безошибочности» западного стратегического анализа относительно «податливости» избранных жертв насильственной «демократизации» и расчет на «новое партнерство» с такими потенциальными оппонентами дали сбой. Ни изопращенные «гуманитарные» демарши в пользу *casus belli*, ни «макиавеллиное» толкование международно-правовых норм, ни беспринципные интерпретации западниками резолюций 1973 СБ ООН в мировом сообществе, в т.ч. странами БРИКС, восприняты не были, хотя и не вызвали активного противодействия. Тенденция ускользания широкой поддержки «двумерной» политики — «жесткой» и «мягкой» силы — Североатлантического альянса и Евросоюза — сохраняется.

Основной стратегический вывод руководящих структур Альянса сводится к тому, что военная мощь будет продолжать определять, как заявил Генеральный секретарь НАТО, «геополитическую карту и в XXI веке». Вызовы безопасности Европы, включая конфликты в прилегающих регионах, как, например, в Ливии, риск террора со стороны «несостоявшихся государств», как и растущие угрозы вследствие распространения ОМУ и киберопасности, будут сохранять свою актуальность.

Три основных «урока» военной миссии НАТО в Ливии, по общим оценкам атлантических штабных структур и исследовательских центров, заключаются в следующем.

Первый. Афганистан не стал, как надеялись, последним «крупным опытом» военно-силовых действий НАТО вне «общеизвестной» зоны действия. Учет непредсказуемости становится важным фактором обеспечения результатов операций стран Альянса в целом.

Второй. В ходе конфликта подтвердилось, что наряду с чисто оперативными боевыми средствами — истребителями-бомбардировщиками и поддержкой ВМС, решающее значение в современной операции приобретает высокоточная разведывательная и заправочная авиация, включая систематическое воздушное наблюдение с использованием беспилотных аппаратов.

Третий. Ливия подтвердила практику «распределения ролей». По разъяснению А. Фог Расмуссена, если в Афганистане ведущей нацией явились США, то в Ливии центральную роль сыграли европейские союзники и Канада. В Косово лидирующую роль играла и продолжает играть Германия.

⁵⁷ Fogh Rasmussen A. NATO after Libya // Foreign Affairs. — 2011. — July/August.

⁵⁸ Ibid.

«Уклонение» США от непосредственной вооруженной вовлеченности в ливийский конфликт, которые придерживались позиции «руководство из-за спины» («leadership from behind») в аналитических оценках натовских экспертов рассматривается как новая реальность, адаптироваться к которой придется европейским партнерам. Они же, по недавнему критическому заявлению руководителя Военного комитета НАТО адмирала Дж. Ди Паола, «ведут себя странным образом, словно страдают от «косоглазия Венеры» и не видят реальной ситуации. Когда США дирижируют, они протестуют, но как только США отходят в сторону, предоставляя европартнерам право занять передовую линию, они же их и порицают»⁵⁹.

К перечню дипломатических и пиарных «позитивов» можно отнести, несмотря на проблемы с имиджем НАТО в арабском мире, сотрудничество в ливийском кризисе с группой арабских государств. Их военно-оперативная поддержка рассматривается как «возможный ключ» к новому политическому и военному партнерству в регионе. Ливийский опыт стратегического взаимодействия предполагается реализовать с соседними субрегионами по южному периметру Средиземноморья, вплоть до Ближнего Востока и Персидского залива⁶⁰. «Натовской машине» удалось также обеспечить морально-политическую поддержку со стороны большей части населения стран — участниц антиливийской коалиции, не допустить заметных протестных акций, обеспечить «вялое несогласие», но без «раздражающих» дипломатических демаршей со стороны большинства стран третьего мира и их региональных организаций.

Натовские оценки периода активной фазы военной кампании в «европейском» формате и ее завершения противоречивы, конъюнктурны и явно носят пропагандистский характер. На октябрьской встрече министров обороны 2011 г. в Брюсселе в числе недостатков планирования операции назван недостаточный учет возможности «последовательных стратегических сюрпризов».

Генеральный секретарь НАТО А. Фог Расмуссен, исходя из полученного Альянсом ливийского опыта, в своей статье «НАТО после Ливии» определяет три новых сферы приложения усилий союзников:

А) Концентрация на повышении эффективности и роли европейского сегмента зоны обороны НАТО.

В атлантических структурах уверены, что «без Америки» пробный «проект» европейской обороны, представленный франко-британской «Антантой» немногого стоит. Если США действительно переориентируют в предстоящем будущем их военный потенциал в основном на Азию, НАТО рискует стать «пустой раковиной». Избежать подобной ситуации помогла бы «вечная идея» создания европейцами в рамках ЕПБО собственной оперативной штабной структуры — Генерального штаба. Но, как известно, британская сторона продолжает саботировать все шаги в этом направлении⁶¹. Что касается «европлеча» общей западной обороны, то ситуация остается неизменной: у большинства государств Евросоюза не было политической воли вмешиваться в ливийский конфликт. Обращается внимание на то, что «равновеликая» странам «Антанты» по потенциалу Германия и совсем не «малый член» Евросоюза, обладающая определенными военными возможностями Польша, отказались участвовать в общей военной стратегии против Каддафи. Лишь Дания, Бельгия и Норвегия присоединились к англо-французским

⁵⁹ Le Figaro. — 2011. — 15 Octobre.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Le Monde. — 2011. — 1 Novembre.

авиаударам по ливийской территории. Европейскими аналитиками делается вывод, что итог вооруженной антиливийской операции не может рассматриваться как «европейский успех», хотя, как заявил французский министр иностранных дел А. Жюппе: «Это мы, Лондон и Париж, сделали работу»⁶². Генсек НАТО А. Фог Расмуссен также признал, что проблемы «вокруг расширения» европейского вклада в проведение операции имели политический характер⁶³. На парижском транзитном саммите в сентябре 2011 г., призванном политически конкретизировать «военную победу над режимом Каддафи, Франция и Британия особый упор делали на том, чтобы не допустить в Ливии тех ошибок, которые были совершены в Ираке» после Саддама Хусейна⁶⁴.

Публичная «позитивная» оценка руководства НАТО исходит из демонстрации участниками операции «Объединенный защитник» того, что европейские государства-члены, прежде всего Франция и Великобритания, имеющие меньшие военные бюджеты, чем США, играют возрастающую роль в проведении целого комплекса военных операций. В числе основных европейских просчетов выделяется «отсутствие оперативных командных центров». «Ущербность» европейского потенциала (прежде всего французской его части) связывается с отсутствием современных средств воздушной дозаправки, дронов противорадарных ракет.

«Наиболее благоприятная», явно завышенная оценка европейского успеха в Ливии была дана октябрьским 2011 г. Совещанием министров обороны НАТО в Брюсселе. «Баланс разбора» результатов операции явно в пользу «позитивных» итогов. «Европейский успех» подтвердил, как утверждают в военном руководстве НАТО, способность европейцев вести военные операции, аналогичные ливийской, без прямого американского участия. Вывод: «Европейский формат действует. Это новый *modus operandi*»⁶⁵. Натовский генералитет оценивает итог однозначно: «Ливия повысила доверие» к Альянсу.

В) Согласно натовскому анализу, решение ливийской проблемы «без существенных затрат» еще раз подтвердило, что трансатлантическое партнерство остается основой обеспечения «европейской и глобальной безопасности». Ливия показала, что Вашингтон не всегда будет — «по причинам бюджетного порядка» — возглавлять совместные военно-силовые операции и имеет право, по выражению генсека НАТО А. Фог Расмуссена, «потребовать строгим голосом» от европейцев взять на себя ответственность за поддержание порядка, особенно на периферии Европы⁶⁶. В Ливии европейские союзники и Канада обеспечили реализацию основного набора задач. «Но успех операции зависел от уникальных и решающих возможностей, которые могли быть предоставлены только Соединенными Штатами. В первую очередь это касается использования дронов, обеспечения наблюдения и разведмероприятий»⁶⁷.

Взаимодействие НАТО с «новыми державами» (прежде всего странами БРИКС) в отражении общих вызовов. Экономическое и военно-стратегическое влияние Китая, Бразилии и Индии, считает А. Фог Расмуссен, ставит перед членами Альянса вопрос о новом подходе к взаимодействию с ними на уровне партнерства. Ливия подтвердила

⁶² Ibid.

⁶³ Fogh Rasmussen A. NATO after Libya // Foreign Affairs. — 2011. — Jule/August.

⁶⁴ Le Monde. — 2011. — 1 Octobre.

⁶⁵ Lasserre Js. L'OTAN se juge plus credible après la guerre en Libye // Le Figaro. — 2011. — 4 Octobre.

⁶⁶ Fogh Rasmussen A. NATO after Libya...

⁶⁷ Fogh Rasmussen A. Towards NATO's Chicago Summit. Speech at the European Policy Centre, Brussels. — 2011. — September.

обоснованность такого подхода. В оценке будущей роли «нарождающихся держав» преобладают «успокаивающие рассуждения», что в их усиливающемся присутствии на геополитическом пространстве было бы ошибочно видеть «вызовы интересам Запада» и в дальнейшем угрозу безопасности странам — членам НАТО. Возможные площадки сотрудничества усматриваются в единстве позиций и подходов к ситуациям типа ливийской. «Случай с Ливией», по заявлению Генерального секретаря НАТО, продемонстрировал, что хотя Бразилия, Китай, Индия и Россия «сознательно устранились и тем самым позволили Совету Безопасности ООН действовать», они «не предоставили свою военную мощь в распоряжение коалиции, что было необходимым»⁶⁸. Это одни из выводов Альянса, построенных на фальсифицированной трактовке резолюции СБ ООН 1973. Другой вывод: «этот эпизод служит напоминанием, что интересы «нарождающихся держав» не обязательно совпадают с интересами Европы»⁶⁹.

В отличие от «Антанты» двух евродержав иные страны — члены НАТО не рассматриваются в качестве гарантов глобального порядка⁷⁰. Обращает на себя внимание своего рода «предупреждение»: если в Европе образуется (в силу отставания своего военно-политического потенциала) «вакуум безопасности, то «нарождающиеся» державы смогли бы «теоретически» этот вакуум вскоре заполнить. Однако, как указывал в своем «программном» анализе А. Фог Расмуссен, пока это вряд ли возможно, потому как их интересы и интересы Запада могут не совпадать, и нет уверенности, что эти новые «гиганты» разделяют те же подходы к противодействию вызовам безопасности⁷¹.

Очевидно, что развитие вокруг ливийской ситуации поставило перед руководством Альянса задачу активного продвижения идеи взаимодействия со странами БРИКС на западных представлениях о методах и характере урегулирования международных конфликтов. Ставка на сближение с этой «пятеркой» становится особо актуальной для Брюсселя с учетом «непроходимости» западных проектов резолюций СБ ООН по Сирии, создающих условия для их интерпретации как позволяющих повторить в этой стране силовой вариант «урегулирования». Наиболее вероятным потенциальным (и, видимо, предпочтительным) «постепенным партнером» западные аналитики рассматривают Китай, несмотря на «необычную комбинацию вызовов» для Пекина вследствие ливийских событий. Причина подобных ожиданий «коррекций его подходов» связывается в атлантическом сообществе с некими китайскими подвижками, проявившимися в связи с голосованием по резолюции по Ливии и натовскими действиями, «отразившими понимание Китаем, что позиция невмешательства все более разваливается из-за его глобального экономического присутствия». Не исключено, что «драматургические» проекты Запада для будущего Ливии могут предусматривать и возможное китайское участие, тем более что потребность в нефти и иных энергоресурсах во многом формирует китайскую внешнюю политику, в том числе в Африке⁷².

Подходы БРИКС и «грандов» НАТО несимметричны. Хотя их геостратегические интересы и концепции в чем-то и соотносятся, но по-прежнему остаются взаимоотрицательными. Впрочем, «режим гибкости», как основа западной «мягкой силы», позволяет трансформировать сегодня ради своих политических интересов любые принципы,

⁶⁸ Fogh Rasmussen A. NATO after Libya // site NATO, 29.06.2011.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Ibid.

⁷² The Libyan dilemma // The Economist. — 2011. - 10 September.

кроме принципа соблюдения прав человека и, разумеется, собственной односторонней выгоды.

«Оригинальными» представляются выводы политического и военного руководства НАТО по отдельным «удачам» реализации натовской стратегической концепции. Выводя банальный «позитивный баланс» по действиям коалиции, «патрон» Военного комитета адмирал Дж. Ди Паола свел «военный успех» европейцев к тому, что удалось якобы избежать жертв среди мирного населения и разрушения гражданских объектов. «Политический успех», по его оценке, заключается, прежде всего, в «скоротечности» решения ливийского конфликта. Для проведения военной операции в Боснии потребовалось несколько лет, для вмешательства в Косово — несколько месяцев. Проведение воздушно-морской операции в Ливии уложилось лишь в «шесть дней» собственно военных действий. Это оказалось возможным при поддержке арабских партнеров.

В числе «политических уроков» и тот, что вмешательство в Ливии не рассматривается в НАТО как модель для будущих операций Альянса. Каждый подобный оперативный сценарий должен интерпретироваться в понятиях «ментальной гибкости»⁷³. В качестве главного просчета при подготовке и в проведении операции признаются «хронические лимиты потенциала» европейской военной мощи, прежде всего технических средств обеспечения оперативно-разведывательной деятельности.

Следующий эвентуальный объект применения лиссабонской Стратегической доктрины НАТО — Сирия. Нынешняя ситуация в мире, условия и уровень внутренней и внешней поддержки операций, подобных ливийской, меняются. НАТО вынуждена отказать от повторения ливийского варианта, по сути, дав «задний ход». В руководстве Альянса ссылаются на принципиальные отличия ливийской ситуации от обстановки в Сирии. Два основных условия — «опора» на мандат ООН и однозначная поддержка почти всех стран региона — в сирийском случае отсутствуют. Министр обороны Франции Ж. Лонге исключил «сирийский вариант», заявив, что ситуация вокруг Дамаска «абсолютно не сравнима» с той, которая существовала в Ливии, прежде всего, потому что решения о политической блокаде Сирии нет, и очевидно, что Россия, Китай и другие страны не поддержат какое-либо решение на этот счет Совета Безопасности ООН⁷⁴.

Ход и итоги ливийских событий вновь продемонстрировали «барьер» между НАТО и оборонительной системой Евросоюза, тенденцию к возрастанию разрыва в уровне их потенциалов и влияния на мировые события. Проблема европейского антикризисного потенциала в связи с ливийской операцией еще более подогрела и без того «закомплексованные» отношения НАТО с Евросоюзом⁷⁵. Самым распространенным, по оценкам сторонников «автономности» еврообороны, стала «кажущаяся нелегитимность» Европейской обороны (Europe de Defence). Об этом заявляет та часть ее участников, которая наиболее чувствительна к «атлантическим русалкам»⁷⁶.

«Ливийский случай» вновь обострил дискуссию о «различной природе» двух западных альянсов. Различия видятся прежде всего в том, что НАТО — одномерный союз, имеющий военную природу. Его «природная» функция — не в обеспечении безопасности в широком смысле, а сугубо в оборонительных, военных смыслах. Суть его акций

⁷³ Lasserre Js. L'OTAN tire lessons de la guerre de Libye // Le Figaro. — 2011. — 15 Octobre.

⁷⁴ Le Figaro. — 2011. — 11 Luglio. Juin

⁷⁵ Devigne LCE, Ecole de guerre, L'Union europeenne et l'OTAN: vers un syndrome de Lisbonne // Le Figaro. — 2011. — 15 Octobre.

⁷⁶ Ibid.

— вооруженные действия, восстановление мира исключительно военными средствами. «Географическое притяжение» Альянса еще несколько лет назад сместилось в основном к Востоку (Афганистан, арабский регион, Ливия). Изменился и геостратегический статус НАТО: из оборонительной организации «строго в границах Европы» Североатлантический союз превратился в механизм действий в области «глобальной и всеобщей безопасности». «Атлантисты-традиционалисты» критикуются как недостаточно учитывающие новую роль НАТО и изменение ее задач.

Европейский союз, настаивают «европеисты», — организация с «многомерной ответственностью». Ее измерения одновременно — политическое, военное, экономическое и финансовое.

Судя по всему, этот европейский дуализм («одна нога» — в НАТО, другая — в «автономной системе обороны» Европы в рамках Евросоюза) приобретает особую остроту в связи с проблемой дефицитов военных бюджетов европейских партнеров. Генсекретарь НАТО сделал в складывающейся неблагоприятной ситуации во «взаимоотношениях двух союзов» заявление, что «НАТО — не враг Европейского союза». Но «атлантисты» продолжают считать, что оборонные амбиции ЕС останутся «пустой скорлупой», «бумажным тигром» до тех пор, пока ЕС не начнет «инвестировать в оборону»⁷⁷. После Ливии европейцам следует усвоить два урока, полагают в Брюсселе: «Европа способна стать во главе проводимых Западом военных операций, и Европе всегда будут нужны Соединенные Штаты». Деятельность атлантического механизма на «двух бюджетно-финансовых скоростях» невозможна. Спустя двадцать лет после окончания «холодной войны» доля военных расходов европейских партнеров составляет не более 20 % общего оборонного бюджета НАТО (остальные 80 % — США и Канада).

В вопросе о повышении европейских национальных военных расходов также используется новый натовский тезис: Европа рискует оказаться «неспособной к антикризисным мероприятиям планетарного формата». «Если такое положение не изменится, это будет означать утрату ее влияния» в мире. «Возникший вакуум» будет заполнен великими «нарождающимися державами в лице Китая и Индии». Свои взгляды на будущее и усилия к сотрудничеству США все более связывают с ними, а не с Европой⁷⁸.

«Ливийская интервенция» Североатлантического альянса с «дистанцированным регулированием» со стороны администрации Б. Обамы, при поддержке отдельных европейских «нейтралов» и арабских «регионалов», явилась вехой в становлении западного внешнеполитического курса, приоритетные направления которого выстраиваются на гуманитарно-этическом измерении. Практика нарушения принципа национального суверенитета и силового вмешательства во внутренние дела независимых государств обосновывается морально-этическими нормами, защитой человеческой жизни и гражданских прав. Впервые «недвусмысленно военное принуждение» в рамках новой политической нормы — «обязанность защищать» вдохнуло «новую жизнь» в политику гуманитарных интервенций⁷⁹. Ливия явилась «примерным случаем» применения новой доктрины «военно-гуманитарной операции», но «уникальным и вряд ли возможным для повторения»⁸⁰ (из-за негативной позиции постоянных членов СБ ООН России и Китая). Как считает известный французский теоретик А. Глюксман, «война не имеет

⁷⁷ Fogh Rasmussen A. Le leadership de L'Europe en Libye renforce l'OTAN // Le Figaro. — 2011. — 11 Juin.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Patrick St. Libya and the Future of humanitarian Intervention // August-September 2011, <http://www.foreignaffairs.com>

⁸⁰ Ibid.

здорового смысла, она не дает себя гуманизировать»⁸¹. Соответствуют, как представляется, нынешней «постливийской» ситуации и рассуждения насчет «экзистенциальной апологии войны, классически присущей западной философии, и как бы достигшей кульминации»⁸². Разумеется, не той военной кульминации, когда мужество, по мысли Платона, было высшей ценностью.

Согласно англо-саксонскому анализу, поражение режима Каддафи «руками» про-западной ливийской оппозиции явилось «триумфом Б. Обамы и принципа гуманитарной интервенции»⁸³. 4 августа 2011 г. администрация президента Б. Обамы выступила с документом «Президентская директива по изучению злодеяний» (PSD-10). Директива определяет предотвращение массовых зверств как «основной интерес национальной безопасности и главную моральную ответственность США». Директива содержит «меню полицейских акций» вплоть до направления военно-морских контингентов в случаях «бесчеловечных деяний», где бы они не происходили и которые США не могут игнорировать. Очевидно, к реализации этой директивы могут быть подключены для действий «широким западным фронтом» и европейские союзники. В этом, вероятно, состоит роль американской «дипломатической рефлексии».

Содержание президентской директивы рассматривается критиками внутри страны как заявка Вашингтона на «чрезмерный интервенционизм». Они полагают, что подобная директива отныне может санкционировать вмешательство в международные конфликты в глобальном масштабе или, как еще говорят, по «большой шкале президента Вильсона».

Успех американского руководства связывается, прежде всего, с применением стратегии, позволившей переложить «военное бремя» операции на союзников по НАТО. Антиливийская операция не имела для США существенных финансовых затрат, не повлекла задействования наземных американских контингентов и человеческих жертв. Эффективным — в пользу европейского характера войны против режима Каддафи — явился основной аргумент Вашингтона: Ливия находится «на пороге» Европы, и Евро-союз имеет больше оснований для военно-воздушного и политического вмешательства в рамках, как настаивают в натовских заявлениях, резолюции СБ ООН 1973.

Ливийская операция продемонстрировала, как полагают в американских аналитических структурах, пример удачно проведенного вмешательства по принципу «обязанности защищать», способствовала реализации «доктрины интервенционизма». Вместе с тем, как и при иных попытках применения «морально-гуманного» фактора в качестве основы вмешательства, в ливийском варианте присутствует объемный пробел, связанный с постконфликтной стабилизацией и пониманием «обязанности по защите» как ответственности за стабилизацию внутреннего развития и социально-экономического возрождения «освобожденного» населения страны.

⁸¹ Glucksmann A. Le discours de la guerre. - Paris, 1988. — P. 88.

⁸² Ibid.

⁸³ Patrick St. Libya and the Future...

Глава 4. Проблема легитимности вооруженного вмешательства в Ливии

Необходимо констатировать, что антиливийская военно-силовая акция натовских государств была осуществлена не в строгом соответствии с резолюцией СБ ООН 1973, положения которой были интерпретированы произвольно и расширительно, и не соответствовала ст. 42 Устава ООН, на которой основывается современное применение доктрины принудительных военно-силовых мер. Решение о возможности применения силы действительно было санкционировано СБ ООН, однако характер его «неограниченного» применения определялся, по сути дела, группой ведущих западных держав при участии военных структур НАТО. Современная практика предусматривает возможность передачи Советом Безопасности ООН ограниченных полномочий на применение военной силы⁸⁴. В случае с Ливией предоставление Советом Безопасности права на ограниченное применение силы в форме установления бесполетной зоны над ливийской территорией с целью предотвращения акций режима Каддафи против собственного народа не сопровождалось каким-либо участием ООН в форме вспомогательных функций миротворческого характера, к примеру, в форме наблюдения или создания буферных зон. Как это было в мирном урегулировании по Дейтонскому соглашению или с «параллельной стратегией» в Боснии и Герцеговине. По сути дела, СБ ООН применил, как считают многие эксперты, в ливийском конфликте концепцию, использованную в ходе войны в Персидском заливе. Согласно этому сценарию универсальная международная организация уполномочила группу европейских государств («заинтересованных» членов Североатлантического договора) на применение военной силы без «миротворческого присутствия» ее представителей.

Существующие региональные соглашения по поддержанию мира, стабильности и безопасности, согласно гл. VIII Устава ООН, могут быть уполномочены в рамках соответствующего мандата СБ ООН на проведение определенных военно-силовых акций, в том числе в гуманитарных целях. Наиболее адекватной этим задачам на евроатлантическом пространстве, на взгляд автора, могла бы рассматриваться Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), заявившая о себе в 1992 г. как организация регионального соглашения по смыслу главы VIII Устава ООН⁸⁵.

Применительно к Ливии соответствующий мандат СБ ООН мог бы быть возложен на Лигу арабских государств (ЛАГ). Однако роль Лиги в арабском регионе остается маргинальной⁸⁶ и в целом малоэффективной.

Ливийская ситуация в целом вновь показала, что ООН по-прежнему не в состоянии быстро и эффективно развернуть миротворческую операцию, особенно с использованием силового компонента, по главе VII Устава ООН. В подобных условиях НАТО, располагающая необходимыми инфраструктурой и потенциалом, остается едва ли не единственным ресурсом, который может быть оперативно задействован в миротворческих усилиях от имени международного сообщества. При этом «платой» за это становится зачастую произвольная, основанная на собственных интересах трактовка натовцами, во

⁸⁴ Граф Витцтум В. Международное право. Сб-к статей. - Москва-Берлин, 2011. - С. 848.

⁸⁵ Хельсинкский документ ОБСЕ от 10.07.1992 // ИЛМ31, 1992.

⁸⁶ Граф Витцтум В. Международное право... С. 861.

главе, естественно, с США, положений соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, что способно приводить к серьезным коллизиям в вопросах соблюдения норм и принципов современного международного права.

Евгений Ростиславович Воронин, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, профессиональный дипломат, работал в посольствах в странах Европы и Латинской Америки. Последний дипломатический пост — Чрезвычайный и Полномочный посол России в Республике Панама.

Специализируется на исследованиях и анализе процессов в области международной и евроатлантической безопасности, военно-политической интеграции в Евро-Атлантике, на разработке международно-правовых аспектов современных международных отношений, перспективах взаимоотношений России со странами НАТО и Европейского Союза, доктринах междивилизационного диалога и роли «европейской идеи» в становлении России.

Автор книги по проблеме верховенства международного права в современных международных отношениях, публикаций по вопросам евроатлантической безопасности, европейском векторе внешней политики России, внешней политики стран Латинской Америки.

Центр евроатлантической безопасности (ЦЕАБ) создан в 2004 г. и входит в ИМИ МГИМО (У) МИД России. Центр ведет научно-практические разработки, готовит аналитические записки и доклады для МИД РФ, Генерального штаба Вооруженных сил РФ, структур Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Межпарламентской Ассамблеи СНГ, комиссии по наемничеству ООН, проводит международные конференции и семинары, публикует статьи и книги, интегрирует полученные научные результаты в образовательный процесс в МГИМО.

Директор Центра евроатлантической безопасности — д.п.н., проф. А.И. Никитин.

Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2009 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, освоения новых исследовательских секторов (региональных и проблемных), проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов ИМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) — **Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990 гг.)**, **Центра международных исследований (1990–2004 гг.)** и **Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.)**.

В настоящее время в состав ИМИ входит одиннадцать научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр БРИКС,
- Центр евроатлантической безопасности,
- Центр проблем Кавказа и региональной безопасности,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр североевропейских и балтийских исследований,
- Центр аналитического мониторинга.

Директор ИМИ — А.А. Орлов, профессор МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

«Аналитические доклады» Института международных исследований МГИМО (У) МИД России (до мая 2009 г. — «Аналитические доклады» НКСМИ) издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав ИМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru